

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В31

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Иллюстрация на обложке — *Ольга Русанова*

Иллюстрация в блоке — *Ольга Исаева*

Художественное оформление — *Александр Воробьев*

Вербинина, Валерия.

В31 Голливуд : [роман] / Валерия Вербинина. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 416 с. — (Исторические детективы Валерии Вербининой).

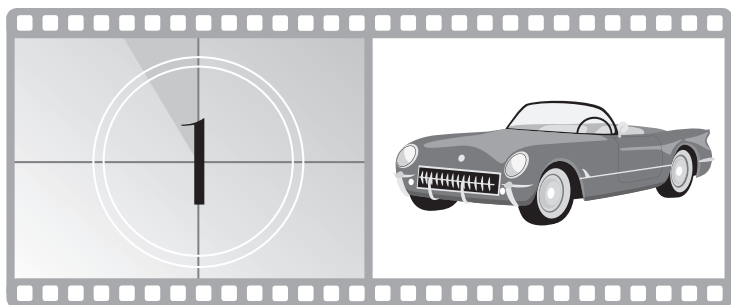
ISBN 978-5-17-159633-0

Лора Лайт вошла в историю кино как прекрасная блондинка золотой поры Голливуда. Разве скромная машинистка Татьяна Коротич, девочка, выросшая в эмигрантской семье, могла хотя бы мечтать о таком?.. Однако у каждого парадного образа есть своя изнанка, а в самых роскошных платяных шкафах иногда скрываются скелеты. Одним из таких скелетов Лоры Лайт стала ее связь с итальянским мафиозным семейством Серано. В одного из братьев Серано она была влюблена, еще будучи Татьяной, другой стал ее любовником... Но есть человек, пристально следящий за жизнью знаменитой кинодивы, человек, которого не обмануть ложным блеском...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-159633-0

© Илющенко В. В., 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

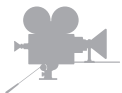
Асфальт плавился от жары, и казалось, что колеса моей машины вязнут в нем. От духоты, царившей в салоне, не спасали даже открытые окна. Не выдержав, я остановила автомобиль возле аптеки на углу и шагнула в раскаленное марево лос-анджелесского дня.

Дверь хлопнула, отрезав меня от адского пекла, но облегчение не наступило. Под потолком устало ворочал лопастями старый вентилятор, больше притворяясь, что приносит прохладу. Стоящий за прилавком мужчина, который любовно протирает весы, повернул голову в мою сторону. Как и в большинстве американских аптек, здесь торговали не только лекарствами, но и напитками, кремами, леденцами и тому подобным. На вид продавцу было лет пятьдесят, и выглядел он так, словно уже родился стариком. Во всяком случае, вообразить его ребенком или подростком не представлялось возможным. У него было худое лицо со стертыми чертами, выражение глаз человека, на которого ополчился весь свет, усы щеткой и скупые, замедленные движения.

— Содовая с мороженым есть? — спросила я первое, что пришло в голову.

— Для вас хоть шампанское, леди, — отозвался продавец. Он оставил в покое весы и взял высокий стакан.

— Значит, шампанское тоже есть?

— Разумеется. В Париже. И в Канаде, полагаю, тоже. — И он воззрился на меня с невозмутимым видом. Я не могла удержаться от улыбки: как ни свирепствовал тогда сухой закон, он все равно оставался мишенью для насмешек. — Жарковато сегодня, а? Вам какое мороженое положить?

— Давайте ванильное.

Содовая с мороженым волшебным образом примирила меня с миром. Я готова была даже признать, что он не так уж плох, как представлялось минуту тому назад. Зазвенела касса, продавец придвинул ко мне сдачу. Тени от лопастей вентилятора скользили по прилавку.

— Повторите, — попросила я.

— Снова с ванильным?

— А какое еще есть?

— Клубничное.

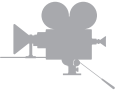
— Давайте с клубничным. Кстати, не подскажите, до портнихи Серано далеко ехать?

— На машине минут пять, наверное. Прямо до перекрестка, потом налево, — ответил продавец. — Красный дом с вывеской. Рядом автомастерская, не пропустите, я думаю. Что-нибудь еще?

— Нет, спасибо, больше ничего.

Мне показалось, что за время моего отсутствия сиденье в салоне стало еще горячее, хоть я и полагала, что это невозможно. Ерзая на месте, я в который раз спросила себя, за каким чертом я поддаюсь на уговоры Гормана и потащилась сюда в свободный от работы день. Впрочем, раз я была так близко от цели, отступить не имело смысла, и я включила зажигание. Мотор колымаги недовольно чихнул несколько раз, но все-таки завелся, и я поехала к перекрестку, на котором в этот час не было видно ни одной машины, кроме моей.

Миссис Серано жила в маленьком двухэтажном домике. Довольно скромная вывеска извещала, что тут находится ателье, но обычные (лживые) заверения, что

владелица имеет отношение к парижской моде, отсутствовали. Когда я вошла, над дверью робко тренькнул колокольчик. Жалюзи были опущены, свет еле-еле проникал сквозь щели, и в помещении царил полумрак и восхитительная прохлада. Осмотревшись, я заметила портновский манекен, не обремененный лишними частями тела, такими как голова, руки и ноги. Также имелись в наличии высокие ширмы в углу, стол закройщицы с обрезками тканей, нитками и подушечкой, оцетинившейся булавками, как еж, а на кресле, явно выдавшем лучшие времена, лежали несколько журналов и разрозненных страниц с фасонами платьев.

— Есть кто-нибудь? — громко спросила я.

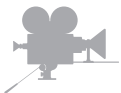
Вопрос ушел в никуда. На стене, пришпиленные булавками к обоям, виднелись несколько открыток, и я подошла ближе, чтобы их рассмотреть. Актеры и певцы, почти сплошь итальянцы. Я заметила карточку Валентино*, а также изображения нескольких оперных исполнителей. Была среди них и фотография очень красивой женщины с автографом, надписанным не горизонтально, как это обычно делается, а вертикально. Поглядев на лицо, я сразу вспомнила, кто это, — еще до того, как увидела имя, напечатанное мелкими буквами внизу карточки. Больше всего, впрочем, меня заинтриговал тот факт, что открытка оказалась русской.

— Что вам угодно? — произнес низкий женский голос за моей спиной. В речи говорившей чувствовался небольшой итальянский акцент.

Я быстро обернулась. Возле двери, которую я сначала не заметила и которая, очевидно, вела во внутреннее помещение, стояла женщина с темными волосами, собранными на затылке в узел, и пытливыми глазами. Лицо

---

* Рудольф Валентино (1895–1926) — звезда Голливуда, актер итальянского происхождения, пользовавшийся огромной популярностью.

гладкое, почти лишенное морщин, но тем не менее я поняла, что его обладательнице уже сравнялось сорок. Она изучала меня и не скрывала этого.

— Вы миссис Серано? — спросила я. — Роза Серано?

— Да, так меня зовут. — Она повела плечом и едва заметно улыбнулась, не переставая следить за мной. — Вы хотите что-то сшить?

— Да, то есть... То есть не совсем. — Я почувствовала, что начинаю теряться под этим ясным и в то же время оценивающим взглядом. — Меня послал к вам Фрэнк Горман. Он должен мне денег... а так как заплатить не может, мы условились, что я получу в свое распоряжение ткань, которую вам отдала его жена, чтобы... чтобы вы сшили ей юбку. Впрочем, он сам все написал...

Порывшись в сумочке, я достала записку Гормана и отдала ее Розе. Подняв брови, моя собеседница развернула сложенный вдвое листок и пробежала письмо глазами. Как будто этого было мало, покосилась на меня и принялась читать еще раз, медленно, с самого начала. Чувствуя себя немного не в своей тарелке, я отвернулась к стене с открытками и стала смотреть на лицо прекрасной дамы в открытом бальном платье и диадеме с крупными камнями.

— Это Лина Кавальери*, — подала голос хозяйка. — Для нее писали оперы знаменитые композиторы. Надпись на открытке странная, конечно...

— Ничего странного, — не удержалась я. — Это ее фамилия на русском.

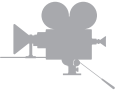
— О. — Роза впервые посмотрела на меня с любопытством. — Вы русская?

Я не видела смысла этого отрицать.

— Красивая она была, — сказала Роза, складывая записку. — Очень.

---

* Лина Кавальери (1874–1944) — итальянская оперная певица, знаменитая красавица, служившая моделью для многих художников.

— Да, я ее видела однажды. Правда, это было давно, еще до войны.

Во взгляде Розы появилось недоверие.

— Сколько же вам было тогда? — спросила она.

— Лет пять, наверное. Мы остановились в отеле на юге Франции, спустившись в сад, увидели ее там. У нее было белое платье со шлейфом и белый зонтик от солнца. Она просто стояла, а вокруг толпились пять или шесть мужчин. Помню, хотя я была маленькая, меня все же это немного озадачило.

Роза вздохнула.

— У мистера Гормана скверный почерк, не уверена, что я прочитала ваше имя правильно, — негромко промолвила она. — Как оно произносится?

— Татьяна.

— Вы хорошо знаете мистера Гормана?

— Ну... Мы работаем в газете. Я машинистка, он репортер. — Роза молчала, и я почувствовала необходимость объяснить: — Платят мало, и я беру заказы на дом. Я кое-что напечатала для него, но он не смог мне заплатить, поэтому... поэтому я здесь.

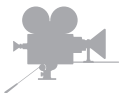
— Сколько он вам должен?

— Девять с половиной долларов.

Моя собеседница усмехнулась.

— Ткань, которую купила его жена, столько не стоит, — уронила она. — Даже если добавить задаток за пошив юбки... Я вам сейчас покажу.

Роза удалилась и почти тотчас же вернулась с куском материи, который оказался дешевым ситцем без надежной расцветки. Я почувствовала, как во мне начинает закипать злость. Итак, я угробила несколько свободных вечеров на то, чтобы перепечатать идиотский детективчик, который накропал Фрэнк, и что же получила взамен? Расходы на бензин, чтобы добраться до миссис Серано, ситец, который я не стала бы носить даже в кошмарном сне, и в перспективе — солнечный

удар, который почти наверняка прикончит меня по дороге домой.

Входная дверь грохнула, колокольчик зазвенел совсем иначе, чем тогда, когда я вошла, — громко и заливисто, и даже изобразил что-то напоминающее обрывок мелодии. В помещение ввалились двое молодых людей: один — плечистый и развязный, в шляпе, заломленной на затылок, но по-настоящему я разглядела только второго. У него было красивое доброе лицо — сочетание само по себе редкое, потому что красоте частенько сопутствуют гордыня, зазнайство и сонм других, более мелких грехов. Заметив меня, он застенчиво улыбнулся, и от его улыбки в полутемной комнате словно стало светлее. Развязный, завидев меня, сдернул с головы шляпу, но я никак на это не отреагировала.

— В чем дело, Тони? — недовольно спросила Роза, адресуясь главным образом к развязному.

— Ни в чем, мама, — ответил тот, косясь на меня. — Винс выдул всю газировку и убрался к своей невесте. С утра только и говорил, что о шторах и мебели, которые будут у него в доме. Аж тошно слушать!

— Тони! — Роза послала сыну предостерегающий взгляд.

— Мам, сейчас никого все равно нет, ни одного посетителя, — вмешался второй. — И в гараже адски жарко.

— У меня посетитель, — промолвила Роза строго, но уже сейчас было заметно, что ее строгость — напускная. — Вы что, оставили Лео в мастерской одного?

— Почему одного? — пожал плечами Тони. — Шрам же с ним.

Роза нахмурилась.

— Я же просила тебя не называть его так, — сказала она сухо.

— При чем тут называть — не называть, — проворчал Тони, с преувеличенным вниманием оглядывая подкладку своей шляпы, — если само на язык просится... —

Роза сверкнула глазами. — Ладно, мам, я все понял. Как насчет позднего обеда... или раннего ужина?

Его брат фыркнул.

— Я же сказала: у меня посетитель, — напомнила непреклонная Роза. — Вернется Винченцо, сядем за стол.

— А если он там застрянет до завтра? — хмыкнул Тони, блестя глазами.

— О Мадонна, что за наказание с этими детьми! — не выдержала Роза. — Антонио, Джонни, идите и не мешайте мне работать!

Хохоча и толкаясь, братья пересекли комнату и скрылись за дверью, причем Тони на прощанье отвесил мне поклон, держа шляпу в руке.

Роза вздохнула и перевела взгляд на меня.

— Это ваши сыновья? — задала я глупый вопрос, просто чтобы сказать что-нибудь.

— Да. — Даже в этом коротком слове чувствовалась ее гордость. Определенно, Роза Серано начала мне нравиться.

— И сколько их у вас?

— Четверо. Винченцо, Антонио, Джонни и Лео. Они работают в автомастерской по соседству.

Подъезжая к дому Розы, я заметила рядом мастерскую, но не обратила внимания на вывеску. Что ж, удобно: мать в ателье, дети — в двух шагах в гараже.

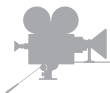
— А ваш муж? — машинально спросила я и тотчас же пожалела об этом. Лицо Розы замкнулось, улыбка исчезла.

— Мой муж умер, — сдержанно ответила она. — В больнице.

— Простите, пожалуйста. Мне не стоило...

— Нет, нет, все в порядке. Как я вам уже говорила, — продолжала Роза, встряхивая ткань, которую по-прежнему держала в руках, — этот кусок не стоит девяти с половиной долларов. Нехорошо было со стороны мистера Гормана так вас обманывать.

Я смешалась.

— Может быть, Фрэнк не знал... Или жена ему сказала, что ткань стоит дороже...

Слушая мой бессвязный лепет, Роза усмехнулась и покачала головой.

— Вы хотите забрать этот кусок? Будете шить сами?

— Я не знаю, — мрачно ответила я. Абсурдность ситуации начала меня угнетать. — Ткань ужасная, что из нее вообще можно сделать?

— На вас? — Роза мгновение подумала. — Платье.

Я представила себя упакованной в платье из синего ситца с рисунком в виде белых тюльпанчиков и содрогнулась.

— Если я возьмусь за дело, — добавила моя собеседница, разворачивая материю и прикладывая ее ко мне, — это будет такое платье, которое не стыдно надеть на вечеринку к друзьям.

— Тут не хватит на платье, — попыталась я вернуть Розу с небес на землю.

— На миссис Горман не хватило бы, у нее широкая кость. Но на вас — хватит. И я не возьму с вас много за пошив, тем более что миссис Горман уже внесла часть суммы. — Я заколебалась. — Красивые девушки должны ходить в красивой одежде. Решайтесь. Эта ткань, конечно, не шелк и не атлас, но любая ткань — это только поддела. Главное — раскрой. А самое главное, конечно, — человек, который все это будет носить.

Похоже, черные глаза Розы Серано обладали даром гипнотизировать, потому что я почувствовала, что готова согласиться; но когда портниха добавила, что аванса, оставленного миссис Горман, не хватит и я должна ей еще пять долларов, меня снова охватили сомнения. Моя собеседница тотчас же их заметила.

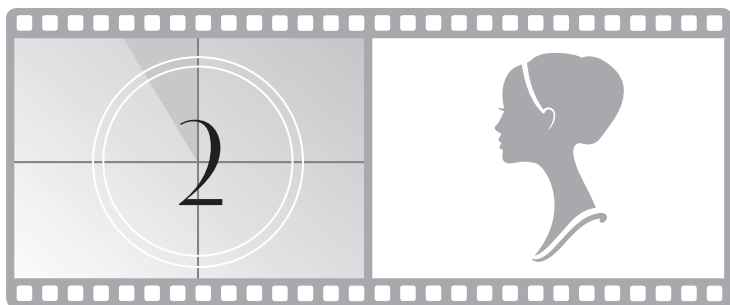
— Впрочем, — объявила она, — деньги можете занести позже, а я пока подумаю над фасоном. В четверг вам удобно?

Я сказала, что четверг меня вполне устраивает. Роза сняла с меня мерки, записала их в книжечку и дала мне свой телефон, а я продиктовала свой адрес и номера, по которым меня можно было найти. Как видите, вместо получения прибыли в девять с половиной долларов я дала втянуть себя в дополнительные расходы, и уже по одному этому можно было судить о моей практичности. Провожая меня до двери, Роза легонько дотронулась до моей руки и сказала:

— Позвольте мне дать вам один совет. В следующий раз требуйте с мистера Гормана всю сумму и не идите на уступки, хорошо?

Я пообещала ей, что в следующий раз непременно, обязательно, однозначно буду тверже камня, и, попрощавшись с портнихой, шагнула обратно в раскаленный ад.

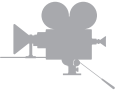
Подойдя к машине, я заметила, как из-под нее сверкнули зеленоватые глаза. Мелькнул кончик пушистого серого хвоста и тотчас исчез. Кот, конечно же. Ему тоже было жарко и захотелось понежиться в теньке, только вот место он выбрал совсем неудачное. Я наклонилась и заглянула под машину.

— Вылезай, — сказала я коту. — Кш-ш! Брысь!

Кот весь подобрался и замер. С его кошачьей точки зрения, я, вероятно, выглядела как захватчица, которая — чем черт не шутит — пытается выгнать его, чтобы самой полежать в теньке, и он расположился так, что снаружи его достать было практически невозможно. Я хлопнула в ладоши раз, другой — кот не шелохнулся. Он сидел, тараща на меня свои круглые глазищи, и явно не собирался уходить.

Я открыла дверцу и нажала на клаксон. Из автоматерской вышел работник в синем комбинезоне. Став в тени под навесом, он зажег спичку о ноготь и с наслаждением затянулся. Клаксон гудел яростно, с завываниями, как бывшая красавица на седьмом десятке, оплакивающая свою юность, — но примерно с таким же успехом. Когда я снова заглянула под машину, кот по-прежнему сидел там, но сейчас он, казалось, ухмылялся — как вполне достойный потомок Чеширского Кота.

— Вам помочь, мисс?

Я распрямилась и тут только увидела, что работник вышел из-под навеса и стоит в нескольких шагах от меня. Это был парнишка лет 16–17, не больше. Каштановые волосы, давно не стриженные, лезли ему в глаза. В пальцах дымилась недокуренная сигарета.

— Кот забрался под машину, — объяснила я. — И не хочет вылезать, а дотянуться до него я не могу.

— Ясно, — сказал мой собеседник и, наклонившись, заглянул под машину. При этом движении прядь волос на его лбу сместилась, открыв старый шрам, который заходил на левую бровь и рассекал ее надвое. Поглядев на руки незнакомца, я заметила другие рубцы от старых шрамов, которые совершенно не вязались ни с его возрастом, ни со свежим лицом, но не успела даже удивиться, потому что он бросил сигарету и легким движением скользнул под машину. Оттуда донеслось злобное фырчание, а через мгновение серый кот выскочил наружу и что есть духу помчался к дому на другой стороне улицы. Юноша в комбинезоне выбрался из-под машины, потирая правую руку, по которой, судя по всему, кот успел-таки на прощанье полоснуть когтями.

— Он вас сильно поранил? — встревожилась я.

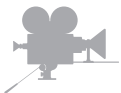
— Ну не насмерть же, — ответил юноша с улыбкой. — Это кот миссис Дженсен. — Он кивнул на дом напротив. — Такой же мерзкий, как она сама.

— Правда? — пробормотала я.

— Она два раза заявляла на нас в полицию, что мы торгуем краденными деталями. Чертова ведьма. Ее муж бросил, вот она и бесится. — Молодой человек прищурил глаза, и тут я заметила, что они у него серо-голубые. — Я Рэй, а вы новая клиентка Розы? Раньше я вас тут не видел.

— Миссис Серано обещала сшить мне платье, — объяснила я. — Спасибо за помощь, и... До свиданья.

— Обращайтесь, если что понадобится, — сказал Рэй. — Мы любой ремонт делаем, быстро и недорого. —

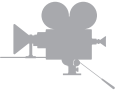
Он критически оглядел мой автомобиль и покосился на меня. — Машина у вас... м-да... машина, в общем.

— Вы мне открыли глаза, — не удержалась я, садясь на водительское место. — А я-то была уверена, что это «роллс-ройс».

Он засмеялся, и я, прежде чем уехать, помахала ему на прощание рукой.

...Итак, шло лето 1928 года. Август? Да, наверное, август. Просматривая записи, которые я от случая к случаю вела в ту пору (не знаю зачем), вижу, что еще весной предыдущего года съехала из первой своей лос-анджелесской квартиры. Это была — если называть вещи своими именами — конура для людей, но с окнами, выходящими на железную дорогу. Проходящие мимо поезда грохотали так, что стекла дребезжали в рамах и с полок падали мелкие вещи.

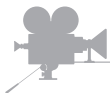
Уяснив себе, что экономить можно на чем угодно, только не на жилье, я стала искать выход. Казалось вполне логичным, что, если поселиться в одной квартире с кем-нибудь из девушек, которые работают в нашей газете, это решит все проблемы. Но, как известно, логика и люди — две вещи несовместные. На общей территории со знакомой машинисткой я продержалась всего полторы недели. Лиззи была милой девушкой, но в быту человек раскрывается с самых неприглядных сторон, и ее привычка разбрасывать везде грязное белье и брать без спроса чужие вещи произвела на меня удручающее впечатление. Знакомая моя к тому же находилась в постоянном поиске подходящего мужчины и считала, что если переспать с одним, другим, третьим и сто третьим, то методом перебора рано или поздно наткнешься на что-нибудь приличное. Устраивая дома очередное свидание, она просила меня пойти куда-нибудь и не мешать ее планам. Чувствовать себя лишней в жилье, за которое я вносила половину платы, мне не понравилось, так что, когда я узнала от одного из наших фотографов, что по соседству

с домом, в котором жил он сам, сдается маленькая квартира за приемлемые деньги, я собрала свои вещи и ушла.

— Дом многоквартирный, жильцы как жильцы, в уголовную хронику вроде никто не попадал, — рассказал фотограф, которого звали Роджер. — За управляющего там некая миссис Миллер, будь с ней осторожна. Если она тебя невзлюбит, то выживет в два счета.

Миссис Миллер оказалась сухощавой седовласой дамой с голубыми глазами и тонкими губами, которые почти не улыбались и разве что, когда позволяли обстоятельства, в виде одолжения складывались в ироническую усмешку. На первый взгляд миссис Миллер казалась безобидной, как горшок с фиалками, но люди, которые имели несчастье ей не угодить, если и сравнивали ее, то с гадюкой, старой жабой, злобной ехидной, цербером, ведьмой и тому подобными созданиями. Не угодить ей было легче легкого. Она неутомимо преследовала любое нарушение порядка, к которым при желании можно было отнести что угодно: затянувшуюся вечеринку, неудобных посетителей, слишком громко включенное радио, распитие запрещенного законом спиртного, гадающих в неположенных местах собак, даже плачущих детей. Чтобы держать жильцов на коротком поводке, годились любые поводы, причем миссис Миллер точно знала, кто посмел бросить окурок на пол в холле, а кто плюнул мимо плевательницы, и неутомимо преследовала провинившихся. Всегда собранная, сохранившая девичью талию и великолепную осанку, миссис Миллер отменно считала в уме, никогда ничего не забывала и не прощала. В ее присутствии военные невольно вытягивались во фронт, полицейские теряли весь свой апломб, а горькие пьяницы трезвели на глазах. Я не исключала того, что миссис Миллер способна одним взглядом укротить взбесившихся лошадей, — но мы жили в Лос-Анджелесе, где большинство передвигается на автомобилях, и мне так и не довелось проверить это предположение.

Не знаю, каким образом, но она всегда оказывалась в курсе всего, что касалось ее жильцов, и я хорошо помню, как неприятно меня поразило, что миссис Миллер оказались известны даже те факты о моей семье, о которых я никому никогда не говорила: что мои родители не были женаты, что моя мать называла себя актрисой, но давно не выступала на сцене и что мой отец, барон Корф, состоял в свите российского императора и умер на чужбине после того, как империи не стало. Не менее пугающей, чем осведомленность миссис Миллер, была ее сверхъестественная проницательность. Глядя на хорошенькую, как куколка, хористочку, которая уезжала из нашего дома вскоре после того, как ее взял на содержание какой-то банкир, миссис Миллер изрекла: «Хорошо начала, да плохо кончит». Прошло несколько месяцев, и я, ежась, под диктовку Фрэнка Гормана печатала на машинке для отдела уголовной хроники жуткие подробности убийства этой самой хористочки, труп которой был найден в Гриффит-парке. А когда в пустующую квартиру на пятом этаже въехали молодожены, миссис Миллер, поглядев на то, как они воркуют друг с другом, ни с того ни с сего бухнула:

— Слишком много молодой работает, не к добру это. Скоро молодая загуляет, а он не дурак, сразу догадается, что к чему. Разведутся — и года не пройдет.

И, само собой, она оказалась совершенно права.

Что касается моего отношения к миссис Миллер, то я не слишком о нем задумывалась. Меня вполне устраивало, что моя нынешняя квартира лучше, чем прежние, и что мне не приходится ни с кем ее делить. В этой бочке меда я согласна была отвести миссис Миллер роль ложки дегтя — но не более чем ложки. Справедливости ради следует добавить, что тогдашний мой образ жизни если и не был идеалом, то оставлял мало возможностей для придирок с ее стороны. Я не устраивала шумных вечеринок, не притрагивалась к спиртному, не включала радио —